

РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Этнографические очерки

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

У ИСТОКОВ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ
ЭКОНОМИКИ

Подобно любому переходному состоянию в истории общества, вообще любому переходу из одного состояния в другое, становление производящей экономики представляет особенно большой теоретический интерес и заслуживает внимательного изучения. Переход этот привел к последствиям революционного значения, с ним связаны величайшие сдвиги в истории человечества — образование классового общества, частной собственности и государства. Полное развитие указанных явлений возможно лишь на основе производящей экономики, появление которой и было их предпосылкой. Становление производящей экономики — это вместе с тем и превращение первобытной доземледельческой общины в раннеземледельческую.

Но и сама производящая экономика имела свои предпосылки, ее становление было длительным и сложным процессом. Заложенные в ней возможности реализуются далеко не сразу. Это была революция, растянувшаяся на тысячелетия, что вполне соответствовало темпам социально-экономического и культурного развития, свойственным данной эпохе. Развитие общества и культуры — кумулятивный процесс. Оно ускоряется и достигает грандиозных размеров и, наконец, переломно по мере накопления новых достижений, по мере перехода количества в новое качество. И напротив, чем ниже уровень этого развития, тем медленнее, как бы исподволь, совершаются в нем изменения.

Становление производящей экономики нередко называют вслед за Г. Чайлдом неолитической революцией. Но по сравнению с промышленной революцией XVIII—начала XIX в. или современной научно-технической революцией данный переворот имеет свои особенности — он начинается в хозяйстве. Это связано с одной из

наиболее характерных черт первобытного общества — влечением хозяйства в саму ткань общественной жизни. Хозяйство тесно связано в первобытном обществе с социальной организацией и идеологией. Это — одно из проявлений первобытного синкретизма, нерасчлененности основных функций, характерных для первобытного общества и первобытной культуры. На более высоких уровнях развития по мере все более глубокой дифференциации общественных, экономических, идеологических функций хозяйственная деятельность утрачивает свойственное ей ранее всеобъемлющее значение.

В основе неолитической революции находится переход от одного типа хозяйственной деятельности к другому — от присваивающего хозяйства к производящему. Формы хозяйственной деятельности не могут быть единственным критерием для выделения стадий эволюции первобытного общества, но им принадлежит все же важная роль. Это дает основание различать социально-экономические структуры на стадиях присваивающего и производящего хозяйства как структуры особого типа.

Неолитическая революция была подготовлена всем развитием обществ, основанных на присваивающих формах хозяйства. Последним свойственны многочисленные явления, которые можно рассматривать как предпосылки производящего хозяйства. Оставим в стороне предпосылки животноводства и формы перехода к нему: это особая тема, которой посвящена большая литература,¹ — и обратимся к предпосылкам земледелия как ведущей форме производящего хозяйства, с которой начался процесс преобразования живой природы [158] и самого человеческого общества. Впрочем, становление земледелия и животноводства нередко было тесно связанным процессом и совершалось внутри одних и тех же обществ.

Основными предпосылками земледелия обычно называют благоприятный геоботанический фон (прежде всего наличие растений, пригодных для культивации), достаточно высокий уровень развития собирательской техники и отсутствие неосвоенных территорий, препятствующее отливу избыточного населения, кризис присваивающего хозяйства [35, 12]. Все это верно. Но наряду с отмеченными факторами, мимо которых не может пройти исследователь такого сложного явления, как становление производящей экономики, нас будет интересовать главным образом проблема, на которую, несмотря на ее значение, обращалось сравнительно меньшее внимание, — социально-экономические предпосылки земледелия в охотничье-собирательской общине.

Преднамеренному выращиванию растений предшествовали регулярное собирательство урожая диких растений и различные формы усложненного собирательства. Эти явления не раз освещались в литературе. Так, о пародах — собирателях урожая, хо-

¹ Одна из последних работ на эту тему: [158].

зяйство которых основано на планомерном собирательстве одного или нескольких видов диких растений, писал Ю. Липс [77, 103—108; 500]. Жатвенные поля собирателей урожая диких растений являются средоточием всей их жизни, и вокруг этих полей концентрируются их общины, что несвойственно типичным охотникам и собирателям. Да и сами общины собирателей урожая намного превосходят своими размерами общины типичных собирателей и охотников, а внутри общины собирателей урожая совершаются процессы, нехарактерные классическим охотничье-собирательским обществам. Структура их преобразуется и становится подобной структуре раннеземледельческих обществ. Подробнее об этом мы будем говорить ниже.

Ю. Липс рассматривал регулярный сбор урожая диких растений как промежуточную ступень между собирательством и земледелием, а собирателей урожая, которые жнут, не сея, труд которых так схож с деятельностью земледельцев, считал подготовленными социально-экономически и психологически к земледелию в неизмеримо большей степени, чем типичных собирателей. И с этим можно согласиться, если только мы условимся заранее, что речь идет о таких географических зонах, где произрастают растения, дающие регулярный, устойчивый, обильный урожай (вроде, например, дикого риса, собираемого индейцами области Великих озер). Но так было далеко не везде, где возникло или куда распространилось земледелие.

В свое время А. Н. Максимов убедительно показал, что такой народ, как австралийцы, которые являются классическим примером охотников и собирателей, находящихся на мезолитическом уровне развития культуры, очень близко подошел к производящему хозяйству [80]. Ему свойственны умение ухаживать за растениями, сбор урожая в определенные сезоны, разнообразные приемы обработки растений для приготовления пищи, включая обезвреживание ядовитых растений, вымолачивание, пропевание, помол, замешивание теста, печение лепешек. Позднейшие исследования показали, что аборигены Австралии местами подошли даже ближе к земледелию, чем это представлялось Максиму. Об этом свидетельствуют, например, примитивные формы ирригации, сооружение оросительных плотин и искусственных водоемов, предотвращающих усыхание местности в засушливые сезоны, способствующих произрастанию полезных растений, привлекающих рыб, птиц и животных. Искусственные каналы достигали сотни и даже тысячи метров в длину и делались издревле, еще до колонизации. Это было сознательным, целенаправленным воздействием на природу, еще более впечатляющим, чем опыты с высаживанием ямс и других растений, засвидетельствованные в разных местах Австралии [269].

Но австралийцам недоставало главного — систематического, преднамеренного выращивания растений, начиная с обработки земли и посадки или посева. Эпизодические посадки дикорасту-

щих растений австралийцами, семангами, сеноями и некоторыми другими примитивными собирателями — лишь первые робкие шаги. Но это уже начало, один из истоков производящей экономики — человек стал культивировать растения уже в процессе собирательства. Более того, по мнению Ю. Ф. Новикова, быть может несколько преувеличенному, человек создал культурные растения еще в эпоху собирательства в итоге непреднамеренной селекции, или «докультурного отбора», по его терминологии [112].

Собирательство было более устойчивым источником пищи, чем охота, и в этом отношении, несмотря на более примитивные технические приемы и оснащение (это не относится к приемам обработки и приготовления продуктов собирательства, достаточно сложным и многообразным), оно было более перспективным видом хозяйственной деятельности, ведь вело к земледелию.

И все же австралийцы так и не сделали решающего шага, отделяющего земледельцев, даже самых примитивных, от охотников и собирателей, — не приступили к систематическому возделыванию почвы и культивации растений. И причина не в том, что в их распоряжении не было пригодных растений, как пишут иногда. Здесь произрастают те же клубнеплоды, которые издавна выращиваются на соседней Новой Гвинее, да и природные условия Северной Австралии очень близки к условиям на этом острове. К тому же между земледельцами Новой Гвинеи и Индонезии, с одной стороны, и аборигенами Северной Австралии — с другой, на протяжении столетий существовали регулярные контакты и австралийцы заимствовали ряд культурных достижений своих более развитых соседей. Но земледельцами они так и не стали. Причина в другом, и на этом мы еще остановимся.

Если усложненное собирательство австралийцев, связанное с переработкой растительных продуктов, является предпосылкой земледелия, известной на этнографическом уровне, то археологически то же самое показано А. Н. Рогачевым в применении к палеолиту Восточной Европы [135]. Собирательство, подобно охоте, развивалось и совершенствовалось на протяжении всего палеолита и занимало важное место как форма хозяйства и источник пищи.

Большое значение собирательства диких растений при традиционном для охотников и собирателей разделении труда, когда роль женщин была особенно велика в собирательстве и домашнем хозяйстве, вызвало в культуре позднепалеолитического населения Европы некоторые явления, знакомые ранним земледельцам, в обществе которых женщины играли такую же роль в земледелии. Для европейского позднего палеолита, как известно, характерны статуэтки женщин с подчеркнутыми вторичными признаками пола, иногда — в ритуальном танце, а для ранних земледельцев Восточной Европы, Передней и Средней Азии — статуэтки женских божеств, богинь-матерей, нередко таких же пышных. Те и другие несомненно связаны с культурами плодородия, возрождения растительности, животного мира и самого человеческого рода.

Возможно, что в основе этих культов находился близкий, родственный круг идей, сложившихся в одном случае на почве усложненного собирательства, в другом — раннего земледелия.

Технической основой усложненного собирательства была зерноотерка. Другие предпосылки развития земледелия — появление мотыги (впервые в палеолите) и отшлифованных топоров, сделавших возможным подсечно-огневое земледелие. Палочко-мотыжная техника, один из самых ранних способов обработки земли, возникла еще в палеолите и была тесно связана с собирательством. Уже в мезолите, на стадии собирательства, существовали жатвенные похи — предшественники серпов. Однако ни зерноотерка, ни мотыга, ни отшлифованный топор, ни жатвенный нож сами по себе не совершили неолитической революции. Австралийцы обладали зерноотеркой и отшлифованным топором в течение многих тысячелетий, и они были орудиями присваивающего хозяйства. Элементом последнего была у австралийцев и ирригация. Техника — лишь предпосылка, условие переворота, но не активный его двигатель. Активной силой являются, как всегда, сами люди, точнее — общество. А для того чтобы общество охотников и собирателей приступило к сознательным, активным поискам принципиально новых путей освоения экологической среды, оно должно испытать мощный толчок — либо в виде кризиса, резкого нарушения равновесия с этой средой вследствие резкого изменения природных условий (какое произошло, например, в постгляциальной эпоху на обширных пространствах земного шара), либо в итоге человеческой деятельности (например, истребления животных) и демографических сдвигов, либо в виде влияния извне, со стороны более развитых обществ. «Зачем нам выращивать растения, когда в мире так много орехов монгонго?» — ответили однажды бушмены на вопрос о причине отсутствия у них земледелия [491, 33]. К тому же, чтобы воспринять новое, общество должно быть подготовлено к этому, должно достичь известного уровня развития.

Если всего этого не происходит, то техника хорошо вписывается в традиционную общественно-экономическую систему, так и оставаясь на уровне предпосылки, что и случилось у австралийцев. Кризиса присваивающего хозяйства они не испытывали, других стимулов заимствовать земледелие у папуасов или индонезийцев у них не было. И в данном случае существует еще третий путь — медленный, постепенный процесс накопления явлений, ведущих к производящему хозяйству, и последнее может возникнуть как бы стихийно, независимо от воли людей, на каком-то этапе этого процесса, когда количественное накопление новых явлений превращается в новое качество. Таким новым качеством служат первые, еще неуверенные опыты производящего хозяйства. Австралийцы уже приступили к ним, были уже в пути. Дальнейшее естественное развитие данного процесса нарушила колонизация.

Названным путем прошли, вероятно, многие раннеземледельческие и раннескотоводческие общества. Это относится прежде всего к обществам, населяющим зоны с особенно благоприятными для культивации растений и domestikации животных условиями. Именно данные общества были пионерами производящего хозяйства. Н. И. Вавилов установил, что главные очаги мирового земледелия находились в горных тропических и субтропических зонах, где существовали максимально благоприятные условия для видообразовательного процесса и для жизни древнего человека. К таким зонам относится, например, Западная Азия, один из древнейших очагов производящего хозяйства. Для Западной Азии, в отличие от приледниковой Европы, значение экологических сдвигов было невелико. Напротив, последняя испытала кризис присваивающего хозяйства как следствие экологических потрясений, а возможно, и восприняла элементы производящего хозяйства из западноазиатского очага.

В. М. Массон предлагает три модели, или три основных направления, в которых протекала неолитическая революция. Первая модель характеризуется сложением земледельческо-скотоводческого хозяйства на базе высокоразвитой экономики охотников-собирателей, вторая — сложением земледельческой экономики на основе высокоспециализированного хозяйства собирателей в условиях кризиса охоты, вызванного палеоклиматическими сдвигами, третья — формированием земледельческой экономики в условиях большой роли рыболовства или морской охоты, обусловивших развитие оседлости [92, 111]. По первому пути, основанному на высокоразвитом присваивающем хозяйстве, на опыте, накопленном тысячелетиями и ведущем ко все большему овладению навыками культивации растений и domestikации животных, и прошли, вероятно, западноазиатские и многие иные общества. Второй путь был широко распространен в других областях земного шара. Третья модель имела сравнительно ограниченное распространение. Специализированное хозяйство рыболовов и морских охотников, как правило, удовлетворяет потребности общества в регулярном, устойчивом поступлении продуктов питания. Если же такое общество переходит к интенсивному производящему хозяйству, это связано обычно с кризисом присваивающего хозяйства, и тогда мы имеем дело по существу со второй моделью. Но это может быть и постепенным становлением производящего хозяйства на основе развитого присваивающего хозяйства, т. е. развитием по первому пути, вариантом первой модели. Оседлость не является необходимой предпосылкой производящего хозяйства, хотя и облегчает переход к нему. Наконец, следует иметь в виду тенденцию высокоразвитых культур к экспансии. Заимствование элементов производящего хозяйства присваивающими обществами осложняет пути неолитической революции.

Представление об охотниках и собирателях как о людях, влачащих жалкое существование чуть ли не под постоянной угро-

зой голодной смерти, глубоко укоренилось и в зарубежной, и в советской литературе. Однако оно требует пересмотра. Против него выступал еще один из первых исследователей Австралии, Дж. Грей, высмеявший подобные взгляды как «нелепые» и показавший, что дело обстоит совершенно иначе. На своей собственной земле абориген «точно знает, что она производит и в какое именно время года, он знает, какими способами обеспечить себя всем этим. Соответственно он распределяет свои посещения различных частей своей охотничьей территории; и я могу только засвидетельствовать, что в хижинах туземцев всегда царит изобилие» [385, 262]. За исключением двух сравнительно непродолжительных периодов года, самого жаркого и самого дождливого, когда аборигены действительно страдают от голода, в остальное время «они за два-три часа могут добыть достаточно пищи на целый день» [385, 263].

То, о чем пишет Дж. Грей, находится в полном согласии с сообщениями других исследователей XIX в. [316, 240; 352, 250—255]. Так же обстоит дело и в наше время в общинах австралийцев, ведущих традиционный образ жизни. Взрослые члены двух локальных групп, изученных в 1948 г. Ф. Маккарти и М. Макартур, трудились в среднем лишь 4—5 ч в день. И этого времени вполне хватало, чтобы обеспечить каждого члена группы достаточным количеством пищи, которая и по составу, и по калорийности отвечала стандартам, установленным Национальным исследовательским советом США [515, 145—194].

По данным Р. Лл, изучавшего в 1964 г. бушменов кунг, для того чтобы обеспечить достаточным количеством пищи всех членов группы, каждому взрослому достаточно было трудиться 2.5 дня в неделю, считая рабочий день, равным 6 ч, что составляет 2ч 9 мин. в день. Здесь не учтено время, затрачиваемое на приготовление пищи и изготовление орудий, и если прибавить и его к затраченному на добычу пищи, то полученная цифра будет близка к установленной Ф. Маккарти и М. Макартур. Наблюдения велись в поле в августе, т. е. в такое время года, которое является переходным от более благоприятных условий к менее благоприятным, следовательно, достаточно репрезентативным. Подсчеты показывают, что труд одного человека в охоте и собирательстве может обеспечить пищей 4—5 человек, а работоспособная часть населения составляет у бушменов 61.3% [491, 492]. По словам Дж. Вудберна, охотники и собиратели хаза, живущие в Восточной Африке, затрачивают на добывание пищи в среднем не более 2 ч в день [775, 54]. Вот почему, по мнению М. Салинса, средств, имеющихся в распоряжении первобытного доземледельческого общества, вполне достаточно для удовлетворения его потребностей. А наши палеолитические предки жили в еще более благоприятных условиях [657, 1—39].

Действительность, конечно, гораздо сложнее и противоречивее, чем представляется М. Салинсу. Многие охотники и собиратели,

населяющие области с экстремальными экологическими условиями, страдают от периодических голодовок (это относится и к земледельцам). Условия, в которых жили палеолитические общества, также были различными, неоднородными в разных частях обитаемого мира и в разные эпохи, например в ледниковые и межледниковые периоды. Но для большинства охотников и собирателей нарисованная выше картина в основном справедлива. Мнение, что жизнь первобытного общества протекала в жестокой борьбе за существование, является преувеличением. А это означает, что развитие производительных сил в первобытном обществе и переход к производящему хозяйству объясняются не только противоречием между жизненно необходимыми потребностями людей и низким уровнем развития производительных сил, как часто полагают [126, 36], но и другими факторами. Среди них важное место занимает накопительный, кумулятивный процесс развития культуры.

Культура обладает способностью к развитию по своим внутренним закономерностям на основе уже накопленных ценностей. Культурные ценности создаются обществом, испытывающим потребность в них, но и сами потребности создаются культурой. Например, у бродячих охотников и собирателей нет потребности в долговременных жилищах, гончарных изделиях, больших запасах пищи и многом другом — все это только стесняло бы их, мешало им. Им свойствен известней минимум потребностей, обусловленный их образом жизни. Потребности в вышеуказанных и многих других вещах появляются у них лишь после перехода к производящему хозяйству и прочной оседлости. Да и в самом этом переходе тоже не возникает необходимости, пока потребности общества удовлетворяются хозяйством присваивающего типа.

Охотники и собиратели дают нам многочисленные примеры постепенного накопления явлений, ведущих к производящему хозяйству, к переходу количества в новое качество, примеры сознательного, целенаправленного воздействия на природу. Факты, с которыми познакомили нас аборигены Австралии, очень характерны. Не менее любопытны в этом отношении тасманийцы — единственное общество, сохранившееся к началу европейской колонизации на уровне позднего палеолита. Даже австралийцы по своему развитию в целом стояли несколько выше их. Согласно многочисленным свидетельствам, тасманийцы и австралийцы сознательно выжигали на своих охотничьих угодьях старую траву, чтобы обеспечить для кенгуру, на которых они охотились, пастбища со свежей, зеленой травой. Причем они предусмотрительно старались сохранить группы деревьев или небольшие рощи, которые служили бы для животных укрытием. Все это вновь привлекало сюда стада кенгуру и способствовало увеличению их поголовья, а следовательно, в этом сказывалась сознательная забота охотников о поддержании главного источника мясной пищи на оптимальном уровне [58, 116—119]. Такое стихийное постижение

некоторых закономерностей природы, понимание связей причин и следствий, отдаленных друг от друга значительным промежутком времени, — замечательная черта, якобы несвойственная, как считают многие, первобытным охотникам. Р. Джонс даже называет это «земледелием с горячей головой» [437]. Дейтельность эта, конечно, не была земледелием, скорее ее следовало бы назвать примитивным животноводством, но по своим последствиям, по воздействию на природу она в какой-то мере сравнима с земледелием. Стихийно создавалась новая, искусственная среда, дело воли и рук человека, — и это задолго до земледелия, с которым мы привыкли связывать появление антропогенного, «человеческого» ландшафта. Т. Митчелл, один из первых исследователей Австралии, пишет в своих записках: «Огонь, трава, кенгуру и люди — в Австралии все они завязят друг от друга, и если чего-либо одного недостает, остальное тоже не смогло бы существовать» [554, 306, 412—413]. Если это не преувеличение, все же данные слова указывают на существование в Австралии своего рода экологического равновесия, активным фактором которого является сам первобытный охотник. Будучи частью экосистемы, он в то же время выступает в ней силой, регулирующей в своих интересах взаимодействие остальных частей.

Однако вследствие активного и систематического воздействия человека на экосистему экологическое равновесие рано или поздно нарушается. Выжигание травы было причиной периодических пожаров, которые охватывали огромные площади. Экологический эффект этих пожаров очень велик. На обширных пространствах Тасмании сменилась растительность, влажные леса уступили место кустарникам и открытым саваннам, изменились характер почвы, климат. Огонь освободил от непроходимых лесов целые области (что было большим преимуществом для охотников-тасманийцев), растительный покров на значительных площадях был разрушен, усилилась эрозия. Все это говорит о том, что даже на таком раннем этапе общественно-экономического и культурного развития люди не только пассивно приспосабливаются к природной среде, но и активно воздействуют на нее, производя в ней далеко идущие по своим последствиям перемены, которые, конечно, еще не могут предвидеть. И делают они это не просто своим присутствием как часть экосистемы, но нередко совершенно сознательно. Огонь был наиболее эффективным орудием первобытного человека для воздействия на природу в его интересах, хотя он и не мог предвидеть все те отдаленные последствия, которые произойдут по вине его вмешательства в течение естественных процессов.

Каким бы путем не пришли люди в разных местах земного шара к земледелию (вследствие наличия благоприятных естественно-географических условий, кризиса присваивающего хозяйства или других причин), можно утверждать, что оно возникло на основе собирательства, достигшего высокой степени развития, нередко специализированного.

Оседлость часто рассматривается как одна из важных предпосылок перехода к производящему хозяйству. Действительно, оседлость — условие, способствующее его возникновению как в сфере земледелия, так и, быть может еще в большей степени, скотоводства. Но известны и полукочевые формы земледелия, где последнее само становится предпосылкой оседлости. Еще Н. И. Зибер отметил, что «этот род первоначального бродячего земледелия одинаково удобно совмещается как с охотничьим и кочевым бытом, так и с зачатками оседлого» [54, 40]. Переход к производящему хозяйству и постепенное оседание общества — процессы, взаимосвязанные и взаимообусловленные. Оседлость в условиях присваивающего хозяйства, полная или периодическая, — явление, возможное лишь в особенно благоприятных условиях. Это относится, например, к оседлым рыболовам и охотникам Дальнего Востока и Северо-Западной Америки. В таких условиях, вероятно, обитали и позднепалеолитические охотники Европы. Но в условиях относительного изобилия пищи охотники, рыболовы и собиратели не испытывают потребности в переходе к производящему хозяйству. Приручение ими животных (собак, оленей, верблюдов) не определяет основного направления их хозяйства. Оно остается в целом хозяйством присваивающего типа, притом в ряде случаев высокопродуктивным. А продуктивное присваивающее хозяйство может на протяжении многих поколений воспроизводить себя, так и не делая решительного шага в сторону производящих форм хозяйственной деятельности. Это, вероятно, относится и к оседлым, и полуседлым охотникам Европы эпохи позднего палеолита. Лишь резкие перемены в экологических условиях в мезолите привели к перестройке хозяйства и всего образа жизни теперь уже полукочевых охотников и собирателей, а в конечном счете к кризису охотничьего хозяйства. Это и обусловило в дальнейшем их переход к производящему хозяйству.

Этнография располагает обширными материалами, характеризующими общества, которые находятся как бы на рубеже присваивающего и производящего хозяйств. Они уже не вполне охотники, рыболовы и собиратели, но еще не совсем земледельцы. Немало таких обществ в Южной Америке. Племена, совершенно незнакомые с земледелием, здесь очень редки. В большинстве случаев мы находим у них рудиментарные формы земледелия, которые не вытесняют полностью присваивающих форм хозяйства, представленных в той или иной степени. Одно из таких племен — намбиквара (Бразилия). Некоторые его группы незнакомы со строительством постоянных жилищ и гончарством и кочуют небольшими коллективами, по 5—6 семей, а иногда одной малой семьей, иными словами — хозяйственными группами, подобно типичным собирателям и охотникам. В сухой и дождливый сезоны образ жизни этих групп различен. В зависимости от времени года в хозяйстве намбиквара основную роль играют либо собиратель-

ство и охота, либо земледелие. В течение пяти дождливых месяцев они живут оседло, локальными группами (или общинами) по берегам рек, и обрабатывают небольшие участки земли. В это время собирательство и охота имеют второстепенное значение. В сухой период они небольшими хозяйственными группами бродят по саванне, занимаясь исключительно собирательством и охотой. И как это свойственно многим другим охотникам, в обществе намбиквара мужчины занимают первенствующее положение и каждая группа ищет своего главу — хорошего охотника, а брак вирилокалел [26; 499, 109—110]. В сущности намбиквара — полуоседлые охотники, для которых примитивное земледелие — временное занятие.

Примером общества со слабо развитым мотыжным земледелием при сохранении преобладающей роли охоты и собирательства являются и племена сирiono, живущие в лесах Восточной Боливии полукочевыми общинами, насчитывающими от 30 до 120 человек [416, 573].

Р. Л. Карнейро отметил, что индейцы Амазонки, земледелие у которых появилось за 1,5 тыс. лет до н. э., еще и до сих пор не перешли к нему полностью, и попытался объяснить различия в степени перехода к земледелию у отдельных племен. Так, например, индейцы амажуака получают около 50% средств существования от земледелия и около 40% от охоты; остальное дают рыболовство и собирательство. Выясняется, что в прошлом, до введения металлических орудий, затраты труда в охоте (в расчете на 1 млн калорий) были ненамного выше, чем в земледелии. Сами по себе преимущества земледелия здесь недостаточны, чтобы привести к его полному преобладанию. Основная масса белков поставляется охотой, которая несовместима с оседлой жизнью в деревнях. Перекочевка групп в поисках пищи все еще определяет образ жизни и амажуака, и сирiono. Племена, живущие вдоль больших рек, являются сравнительно оседлыми рыболовами, а оседлость благоприятствует развитию у них земледелия. Таковы, например, индейцы купкуру верховьев Шингу в Центральной Бразилии. 15% потребности купкуру в средствах существования удовлетворяется за счет рыболовства, не менее 80% — за счет земледелия (выращивание маниока). Если для амажуака характерны общины примерно в 15 человек, то число жителей в деревне купкуру составляет около 145 человек, т. е. почти в 10 раз больше [59, 273]. Подсечно-огневое земледелие Амазонки не является чисто оседлым типом хозяйства — это относится даже к рыболовам, таким как купкуру. И все же расселение вблизи крупных рек повышает роль рыболовства и земледелия, что в свою очередь способствует дальнейшему оседанию и концентрации населения, а расселение вдали от рек ведет к усилению роли охоты и собирательства и к атомизации общества. Здесь, как и повсюду в мире, переход к производящему хозяйству в значительной мере определяется экологическими факторами.

Основой хозяйства большинства индейцев Бразилии было подсечно-огневое земледелие в сочетании с рыболовством, охотой и собирательством. Многие индейцы лишь недавно начали осваивать земледелие. В конце XIX в. бакарии еще помнили, что их деды «ничего не знали о маисе и маниоке», а охотники-бороро относились к посевам соседей-земледельцев, как и к другим дарам природы: при любой возможности они вырывали корни молодого маниока, пекли на огне и ели [713]. В прошлом земледельцы расчищали лес с помощью каменных топоров, землю разбивали деревянными палицами, углубления в земле для посадки растений делали острыми палками. И орудия труда, и сама технология производства были заимствованы еще из периода собирательства. Каждые 6—8 лет общины переселялись на новое место, так как земля вблизи селений полностью истощалась. Роль присваивающих форм хозяйства была еще очень велика. И в земледелии, особенно при расчистке леса, и в рыбной ловле, и в охоте значительное место принадлежало коллективным формам труда, в которых принимали участие все мужчины общины [151, 8—11]. Разделение труда и формы совместного труда, роль мужских коллективов в производстве — все это сближало переходное (в экономическом смысле) общество индейцев Бразилии с типичными охотниками, рыболовами и собирателями. С этим, вероятно, связано преобладание у бразильских индейцев отцовскородовой организации. Земля принадлежала общинам, но участки, обрабатываемые малыми семьями, находились в распоряжении отдельных семей. Следует отметить, что и для других ранних земледельцев характерно более заметное, чем у охотников, место семьи в экономике. Однако потребление часто носило еще коллективный, общинный характер [151, 13—14]. Как и для многих народов с присваивающей экономикой, для индейцев Бразилии типичными являются наряду с локальными родовыми, видимо, также гетерогенные общины, т. е. общины, состоящие из представителей различных родов. 4

Примечательные процессы выявлены, в частности, у индейцев верховьев Шингу. Основным производящим и потребляющим коллективом была у них община, и формы совместного труда в земледелии, охоте и рыболовстве занимали здесь, как и у индейцев других районов Бразилии, значительное место. Но уже к концу XIX в., а может быть и значительно раньше, община подразделялась на домохозяйства, состоящие из 3—8 парных семей и играющие важную социально-экономическую роль. По мнению Л. А. Файнберга, выделение из общины домохозяйств — признак распада материнского рода [151, 90]. В действительности же состоящие из нескольких малых семей домохозяйства ранних земледельцев, у которых переход от присваивающего хозяйства к производящему еще не завершен, являются переходной формой от нестабильных хозяйственных групп охотников-собирателей к более стабильным родственно-трудовым объединениям земле-

дельцев. В функциях домохозяйств (одна из главных функций — совместная обработка земли) хорошо видно, как ведущая форма хозяйства — земледелие — определяет собой характер социально-экономической структуры. Домохозяйство становится основным производственным коллективом [151, 91], оно стремится подменить общину, встать на ее место. Этого не было и не могло быть в общине охотников-собирателей.

Вот почему Л. А. Файнберг ошибается, когда, опираясь на внешнее сходство в образе жизни, типе жилищ, обеспеченности средствами существования охотников позднего палеолита и мотыжных земледельцев, считает возможной реконструкцию охотничье-собираТЕЛЬСКИХ общин прошлого на основе данных по общинам мотыжных земледельцев [124, 76—77]. Между ними не только хронологический разрыв, но, что гораздо важнее, они принципиально, качественно различны по своей структуре. Файнбергу можно возразить словами А. М. Хазанова: «Переход к производящему хозяйству и связанное с ним развитие производительных сил вызвали качественные изменения в жизни тех обществ, которые этот переход совершили» [124, 88].

В Северной Америке самые первые шаги производящей экономики зафиксированы у тех групп индейцев (оджибве, ассинибойн), которые не только собирали урожай дикого риса (об этом говорилось выше), но и знали некоторые приемы его возделывания. Отдельные участки поля находились в собственности семей, их заселявших. Неудивительно, что у оджибве начали складываться отношения семейной собственности и на участки дикого риса [431]. Явление это характерно скорее для ранних земледельцев, но ведь мы имеем дело с обществом, вступающим в эпоху производящей экономики.

Первые шаги производящего хозяйства отмечены и у береговых селишей (северо-западное побережье Америки). Традиционное рыболовство в сочетании с собирательством дают им возможность жить относительно оседло, полгода в одном месте, а полгода в другом, на расстоянии двухдневного перехода. А это в свою очередь позволяет женщинам ухаживать за посадками картофеля, проникшего к ним недавно, без помех для привычного образа жизни [724].

Примером африканского общества, вынужденного силой внешних обстоятельств оставить бродячий образ жизни охотников-собираателей и приступить к неустойчивому земледелию, являются ики (Северная Уганда) [743]. Для некоторых групп банту в экваториальной Африке еще недавно было характерно экстенсивное полукочевое подсечно-огневое земледелие. За пределами истощенной земли рядом с новым полем сначала возводили временное селение, а со временем община полностью переселялась туда. Весь цикл продолжался почти 20 лет [104, 93].

Оседлые группы веддов — охотников и собирателей Шри Ланки — частично подошли к подсечно-огневому земледелию,

возможно, под воздействием своих более развитых соседей — сингалов. Начатки возделывания растений, посадки фруктовых деревьев, дикого ямса засвидетельствованы у охотников и собирателей п-ова Малакка — семангов, сакаев, сеноев [142, 15—16].

Хотя охота не является жизненно необходимым занятием для земледельцев — папуасов Новой Гвинеи и меланезийцев, она занимает все еще большое место в их жизни [258], а маори Новой Зеландии сочетали выращивание кумары с собирательством урожая корней дикорастущего папоротника [699].

Существуют и такие формы хозяйства, которые находятся как бы между охотой и животноводством. Так, в Индии некоторые группы ченчу, переняв у соседей домашних животных, живут главным образом за счет охоты и собирательства [369]. Мы не говорим уже об охотниках, у которых заимствованные или приобретенные домашние животные (лошади, олени, верблюды) способствовали интенсификации самого охотничьего хозяйства — такие примеры хорошо известны в Северной и Южной Америке, Сибири, на севере Африки.

Все это — различные этапы процесса перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Мы находимся то в начале процесса, то в середине или в самом конце его. Что же происходит при этом в социальной сфере, в структуре общества? К сожалению, данные, которыми мы располагаем, не очень обильны. Некоторые были приведены выше. Они говорят о том, что, вступив на этот путь, общество преобразуется и общество ранних земледельцев во многом уже отличается от общества охотников-собирателей. По мнению Дж. Уотсона, распространение культуры сладкого картофеля на Новой Гвинее повлекло перемены в демографии, социальной структуре, технологии, религии и магии, мифологии, в характере мужского доминирования [753]. Величина общины охотников-собирателей ограничена доступным запасом животных и растительных ресурсов на ее территории. Улучшение техники добывания пищи, интенсификация охоты ведут к прогрессирующему истреблению дичи. С возникновением производящего хозяйства появляются невиданные ранее возможности увеличения количества пищи, контроля над ее воспроизводством. Это ведет к демографическим сдвигам — резко возрастает плотность населения, меняется соотношение численности группы и осваиваемой ею территории, общины становятся устойчивее и крупнее, хотя величина их ограничена размерами и плодородием полей. Намечается тенденция к оседлости, которой вначале мешает полукочевое экстенсивное земледелие. Мировая средняя величина локальных групп охотников-собирателей 50—100 человек, тогда как для земледельцев 100—150 человек, а верхний ее предел — примерно 350—400 человек. В непосредственной связи с этими процессами растет уровень социального и культурного развития. С ростом общин и увеличением плотности населения увеличивается социальная интеграция и возрастает социальное и культурное

взаимодействии общин, идет процесс образования более крупных и более интегрированных этнических общностей.

Если полукочевые или оседлые формы развитого присваивающего хозяйства были предпосылкой перехода к земледелию, то полукочевые формы земледелия были предпосылкой оседлости, точнее — возрождения ее на новом, более высоком уровне развития, потому что полная или сезонная оседлость существовала и в палеолите. Образцом такого полукочевого раннеземледельческого общества являются байнинги о-ва Новая Британия в Меланезии [56]. Для них характерно подсечно-огневое залежное земледелие на основе деревянной и каменной неолитической техники, одна из самых ранних форм земледелия, свойственных зоне тропических лесов. Байнинги переходят с одного места на другое, когда земля, ничем не удобряемая, кроме золы от сгоревших на ней деревьев и кустарников, перестает давать урожай. Обычно это происходит через два-три года после начала эксплуатации участка. Крайне отсталый характер земледелия и низкое плодородие почвы в горных районах не дают байнингам возможности завершить переход к оседлости.

Участки байнингов, на которых они выращивают клубневые культуры — таро, ямс, бататы, а также бананы, сахарный тростник и эйбику, расположены обычно недалеко от селения. Но если вблизи селения не находится более удовлетворительной земли, то они отыскивают в пределах принадлежащей им территории новое подходящее место, расположенное иногда далеко от прежнего, разбирают свои примитивные хижинки и переносят их поближе к новому участку. Старый участок зарастает сорной травой.

Отыскав участок леса, пригодный для расчистки, байнинги вырубают на нем деревья, обламывают ветви и сучья, складывают их между поваленными стволами и оставляют для просушки. Высохший лес поджигают. После этого участок обрабатывают либо целиком, либо разделив предварительно на полосы соответственно числу хижин селения в величине живущих в них семей. Если расчистка участка и подготовка земли осуществляются общими усилиями, то в дальнейшем семьи сами трудятся на своих участках и сами снимают с них урожай. Землю обрабатывают при помощи простой палки — архаичного орудия, свойственного еще доземледельческому, собирательскому хозяйству.

Подсечно-огневое земледелие в его наиболее ранней, первобытной форме, обнаруженной у байнингов, уже в среднем неолите существовало во многих лесных областях земного шара. Этот нерациональный, губительный способ обработки земли (известный в Индокитае под названием *рэй*, а в Месоамерике — *мильпа*) был широко распространен в недалеком прошлом в Юго-Восточной Азии (откуда он, вероятно, провик в Океанию), на Мадагаскаре, в Африке, в Южной и Центральной Америке. Лес вырубали, затем в конце сухого периода сжигали, а в начале периода дождей

засевали участки, покрытые золой. Года через три урожайность такого участка резко падала, и земледелец переходил на новое место. Одна из вероятных причин исчезновения древней цивилизации майя на Юкатане кроется в истощении тропической почвы вследствие господства подсеčno-огневой системы земледелия. Но еще и до сих пор эта экстенсивная форма землепользования кормит до 200 млн человек [304].

В качестве главных собственников земли у байнинггов выступают территориальные группы, которые и составляют в совокупности эту этническую общность. В пределах территорий групп земля распределена между отдельными общинами, состоящими из одной или нескольких больших семей и существующими более или менее изолированно друг от друга. Каждая большая семья может по своему усмотрению выбрать пустующий, никем не занятый участок, расчистить его и пользоваться им. Но такое право признается за нею лишь до тех пор, пока она обрабатывает данный участок. Когда последний перестает давать урожай и семья или община покидает его, он возвращается в распоряжение всей территориальной группы.

Плотность населения у байнинггов очень низкая. Ф. Бургер рассказывает, как ему приходилось часами карабкаться по горам, чтобы посетить разбросанные поселки, в которых жили большие семьи, принадлежащие одной общине [260, 261]. Поселок большой семьи может состоять из одной или нескольких хижин, и каждая из них вмещает одну или несколько малых семей. Обычно малая семья имеет свой собственный очаг — средоточие семейной жизни. Некоторые поселки состоят из 10—12 хижин, и все обитатели такого поселка в совокупности составляют большую семью [625]. При всех передвижениях большие семьи сохраняют контакт и образуют в свою очередь общину [485].

В далеком прошлом байнингги, коренное население п-ова Газели, говорящие на одном из так называемых папуасских языков, были оттеснены в глубь его меланезийцами. Область их расселения ограничилась внутренними горными районами полуострова. Ни охота с помощью примитивного оружия — копий и палиц, ни собиранье диких растений не могли более обеспечить их достаточным количеством пищи. Наступил кризис охотничье-собирацкого хозяйства. И познакомившись через соседей-меланезийцев с простейшими приемами земледелия, они сами постепенно стали земледельцами. В настоящее время охота является для них второстепенной, подсобной отраслью хозяйства.

По словам Р. Паркинсона, байнингги по своему культурному развитию представляются самым примитивным народом из всех, встреченных им в Океании [600, 156]. Не случайно их сближали с тасманийцами — одним из наиболее отсталых в культурном отношении народов земного шара. Это относится не только к бедности и ограниченности культурного инвентаря, отсутствию лука и стрел, простейшим копьям без наконечников, но и к социальной

организации. Расселение небольшими локальными группами, низкая плотность, аморфная общественная структура, отсутствие племенной организации — все это напоминает и тасманийцев, и других охотников-собирателей. Территориальные группы байнингов очень близки по типу к племенам тасманийцев [58, 142—149]. Это совокупности общин, которых связывают между собой лишь общность языка и территории, а также единое самоназвание (в нем выражено самосознание членов группы как некоего единства) да еще совместное участие в военных предприятиях.

Такой выступает территориальная группа у байнингов. У тасманийцев к этому можно еще добавить периодические сборы членов племени для совместных охот, обрядов или иных целей. В остальном различий между ними нет. Ни тасманийское племя, ни территориальная общность байнингов не выступают как единое целое в организационном отношении. Это социальные образования, свойственные одной из ранних стадий процесса становления племени как общественного института.

Характер отношений собственности на землю также сближает байнингов с охотничьими народами. Так, семейное право на землю сохраняется у тех и других лишь до тех пор, пока земля обрабатывается или используется для охоты, после чего она возвращается в распоряжение всей общины.

Конечно, между байнингами и тасманийцами существуют и существенные различия, например неолитическая техника обработки камня у первых и палеолитическая — у вторых. Но самое главное — земледелие. Общество байнингов — общество вчерашних охотников и собирателей, едва переступивших рубеж производящего хозяйства. Но шаг этот во многом уже преобразовал их общество. Появились относительная оседлость, несвойственная охотникам и собирателям данной географической зоны, а с нею и более долговременные жилища, в отдельных случаях даже длинные дома, каждый из которых населяет большая семья. Земледелие и относительная оседлость при сохраняющейся разобщенности общин еще более изолировали последние друг от друга. У байнингов это связано к тому же с жизнью в горной местности и низкой плотностью населения. Тенденция к социальной интеграции и сближению общин, характерная для земледельцев, для байнингов — дело далекого будущего.

Мы только что отметили, что единственное, чем отличалось тасманийское племя от территориальной группы байнингов, — участие в совместных охотах, обрядах и других коллективных актах. Земледельцы-байнинги совместных охот не устраивали, и члены территориальных групп собирались вместе лишь для участия в военных предприятиях. Они, пожалуй, еще больше индивидуалисты, чем охотники. Община у байнингов еще сохраняется, но в отличие от охотничьей общины представляется довольно аморфным социальным организмом. Ее значение падает, и на смену ей приходит большая семья как главный землеполь-

зователь, как центр общественного производства. Местами большие семьи и сами являются уже самостоятельными общинами. Все это очень похоже на то, что происходило у других ранних земледельцев — индейцев верховьев Шингу.

На основе земледелия и обусловленной им возможности создания избыточного продукта, иными словами — на основе имущественной дифференциации у байнингов прослеживаются первые признаки социального расслоения: выделяются главы отдельных, наиболее зажиточных больших семей, и некоторые из них становятся влиятельными людьми не только в своей общине, но и за ее пределами. Этот процесс, в целом чуждый еще обществу охотников и собирателей, характерен уже для ранних земледельцев.

Становление первобытной социальной структуры — одна из важнейших предпосылок производящей экономики. Будучи двигателем коренных социальных преобразований, производящая экономика сама формируется на основе достигшей определенной степени развития социальной базы. Если оседлость не служит необходимой предпосылкой перехода к земледелию, то все же такой предпосылкой следует считать известную стабильность, устойчивость социальной структуры, тесную связь социума с определенной территорией, правильное чередование хозяйственной деятельности в соответствии с природным циклом. Все эти явления, без которых переход к производящему хозяйству едва ли возможен, обеспечивает типичная структура охотничье-собирательского общества накануне перехода к земледелию. Основные элементы этой структуры — община как относительно стабильная, постоянная локализованная группа, как субъект собственности на землю и ведущих производственных функций, а также хозяйственные группы, состоящие из одной или нескольких семей. Осваивая определенную территорию, обеспечивающую ее жизненно необходимыми ресурсами, община периодически, в соответствии с экологическими условиями, распадается на хозяйственные группы. Совокупность хозяйственных групп и есть община в действии, в процессе активного приспособления к условиям жизни и хозяйственной деятельности. Хозяйственная группа непостоянна в своих размерах, ее динамика экологически обусловлена. Это — форма активной адаптации первобытного общества на стадии присваивающего хозяйства к меняющимся от места к месту, от сезона к сезону условиям. Развернутая характеристика этих основных элементов структуры общества охотников и собирателей накануне перехода к земледелию дана нами в других работах [57; 58, 125—142, 151—152].

Следует еще добавить, что доземледельческая община, кроме того, делится на коллективы по половозрастному признаку, — что ее ведущие производственные функции основаны на естественном, половозрастном разделении труда. Наконец, необходимо упомянуть племя как совокупность общин и как верховного собственника племенной территории, осваиваемой всеми этими общинами.

Характеристика племени на уровне, соответствующем охоте и собирательству, и на раннеземледельческом уровне была дана выше — мы отметили, что существенной разницы между ними нет. Племя на данном уровне развития — в основном этническая общность, обладающая, однако, некоторыми социально-экономическими признаками. Главный из них — собственность на землю.

Все названные элементы структуры охотничье-собирательского общества в своей совокупности и составляют социальную или, точнее, социально-экономическую базу формирующейся производящей экономики. В этом комплексе явлений, значение которых в интересующем нас процессе неоднозначно, необходимо особо выделить общину — основную производственную ячейку доземледельческого общества, оптимально приспособленную к экологическим условиям. Данный социальный институт, наследуемый раннеземледельческим обществом у предшествующего ему доземледельческого, и есть одна из важнейших предпосылок производящей экономики.

С переходом к земледелию, с изменением форм социальной адаптации вся социальная структура постепенно меняется. И эти качественные сдвиги намечаются прежде всего внутри общины. Некоторые из них были отмечены нами у байнигов, индейцев верховьев Шингу и на других примерах. Еще раз обратим внимание на тот радикальный сдвиг, с которого и начинается вся цепь изменений. Структура общества полуохотников-полуземледельцев намбиквара сохраняет некоторые характерные черты присваивающего общества, и их общины в определенное время года распадаются на подвижные, нестабильные хозяйственные группы, подобно общинам типичных охотников. Переходной формой от хозяйственных групп охотников-собирателей к производственным объединениям, свойственным раннеземледельческому обществу, являются так называемые домохозяйства индейцев верховьев Шингу. С окончательным переходом к земледелию исчезает система хозяйственных групп как форма адаптации первобытной доземледельческой общины к меняющимся условиям. На ее место приходят иные формы организации раннеземледельческой общины в целях производства, основанные на внутреннем членении общины по половозрастному и семейному признакам. Хозяйственные группы тоже основывались на членении общины на отдельные семьи, но в отличие от производственных объединений раннеземледельческого общества они были не просто производственными объединениями, а в своей совокупности самой общиной в действительности; в этом их принципиальное различие. С исчезновением хозяйственных групп как формы существования доземледельческих общин все более видную роль в структуре земледельческого общества играет индивидуальная семья. Вот почему семьи в раннеземледельческих обществах в большей мере, чем в охотничьих, имеют тенденцию к укрупнению

(образование больших семей), что хорошо видно на примере байнянгов.

Важнейшей предпосылкой производящей экономики было также формирование коллективной собственности на основное средство производства — землю. Присущая доземледельческому обществу иерархическая структура отношений собственности на землю (собственность племени как совокупности общин, собственность отдельных общин) наследуется равными земледельцами и затем преобразуется вместе с преобразованием самой общественной структуры и процессом социальной дифференциации. С переходом к производящему хозяйству меняются характер отношений производства и обмена, разделения труда, роль мужчин и женщин в общественной, экономической и религиозно-обрядовой сферах, относительная подвижность населения. Но предпосылки всех этих перемен складываются в предшествующую эпоху.

О том, как переход к производящей экономике преобразует традиционное общество охотников-собирателей и делает это по-разному в зависимости от различий в системе производящего хозяйства, мы узнаем из сообщения о двух характерных случаях. Два индейских племени из засушливых районов Аризоны — пима и папаго, — живущих в различных природных условиях, еще до европейской колонизации совмещали земледелие с охотой и собирательством, которые продолжали играть большую роль в их жизни. Земледельческое хозяйство этих племен зависело в одном случае от ирригации, использования речных вод, а в другом — от дождей и ручьев. Соответственно у них развились и различные формы общественного строя: у пима — большие селения, зависящие от единой ирригационной системы, с тенденцией к политическому объединению; у папаго — небольшие деревни и аморфная политическая организация. У некоторых групп папаго земледелие еще долго имело примитивный полукочевой характер [388]. Следовательно, общественная организация папаго, в отличие от пима, живущих в других условиях и по-иному строящих свои отношения со средой, во многом еще сохраняла черты общественной организации, свойственной обществу переходного типа.

Системообразующие элементы разных хозяйственно-культурных комплексов различны — охота и собирательство, сбор урожая диких растений, земледелие. В каждом отдельном случае вся система общественных связей строится вокруг этих системообразующих элементов различным образом, функционирует различно.

Известно, что и на основе присваивающего хозяйства некоторым народам удалось достичь сравнительно высокого уровня общественного и культурного развития, несвойственного большинству других народов, ведущих хозяйство присваивающего типа. Такими индейцами Северо-Западной Америки, калуза Южной Флориды,

алеуты, ительмены, береговые чукчи и коряки, некоторые группы эскимосов, нивхи. Местами имущественное и социальное расслоение зашло у них весьма далеко, и есть основание говорить о разложении первобытнообщинных отношений и начале процесса классовобразования, что позволяет ставить названные народы на один уровень с представителями ранних форм производящего хозяйства. Объясняется это особым направлением хозяйственной деятельности: все они преимущественно оседлые рыболовы и охотники на морского зверя. Но главное состоит в том, что деятельность эта протекает в особо благоприятных экологических условиях. То, что далеко не все, а лишь некоторые народы, в хозяйстве которых рыболовство и охота на морского зверя играют значительную роль, поднялись до уровня имущественного и социального расслоения, нехарактерного в целом представителям присваивающей экономики, связано именно с такими исключительными условиями. Большую роль здесь играют периодический избыток продуктов рыболовства, превышающий непосредственные потребности, а также умение запасать их впрок. С этими же условиями связана и прочная оседлость, возможная для охотников лишь в подобных же особенно благоприятных условиях. Примером полностью или периодически оседлых охотников прошлого могут служить европейцы эпохи позднего палеолита. В настоящее время такой оседлый народ, как айны о-ва Хоккайдо, представляет еще один образец присваивающей экономики смешанного типа, основанной на рыболовстве и охоте, но не на морского, как у перечисленных выше народов, а на лесного зверя (медведя, оленей). Лососи, основа питания айнов, нивхов, индейцев Северо-Западной Америки, периодически в огромных количествах поднимались в реки побережья, и эту периодичность и изобилие можно сравнить разве только с периодическим урожаем продуктов земледелия у народов-земледельцев. Техника рыболовства у вышеназванных народов достигла большого совершенства, и это ставит их рыболовство на неизмеримо более высокую ступень, чем, например, примитивное рыболовство австралийцев. Индейцы запасали на зиму до 1000 лососей на семью и до 2000 л жира на человека, а семья нивхов, согласно Е. А. Крейновичу, заготавливала на зиму до 3840 лососевых, причем на каждого человека в семье приходилось более 400 рыб, на корм собакам оставалось около 2000 [69, 465; 107, 155]. Эти народы были настоящими собирателями «урожая» лососевых. И «урожай» сам приплывал в их спаси. Примитивные рыболовы — типичные представители присваивающего хозяйства — не делают подобных запасов.

Высокий уровень развития производства, сравнимый только с уровнем его развития у народов с производящей экономикой, и был у индейцев главным условием имущественной и социальной дифференциации, ранних форм рабовладения, оживленного обмена. Более того, у индейцев существовали зачатки земледелия (разведение табака) и животноводства (разведение собак на шерсть).

Часть орудий труда изготовлялась из меди. Все это также делает их несравнимыми с типичными представителями присваивающей экономики.

Оседлые рыболовы и охотники на морского зверя — это социально-экономические структуры особого типа, и их нельзя не отличать от типичных охотников и собирателей, полуседлых или бродячих рыболовов, таких, например, как некоторые группы эскимосов или австралийцев. По своему типу общества оседлых рыболовов тесно примыкают к народам с производящей экономикой, мало чем отличаются от оседлых земледельцев. Продуктивное рыболовство и охота на морского зверя в условиях оседлости, на основе высокоразвитой рыболовной техники, избыток прибавочного продукта — вот что обусловило имущественное и социальное расслоение у индейцев. В обычных условиях, в которых живет и жило в прошлом большинство представителей присваивающих форм хозяйства, то и другое попросту было бы невозможно.

Надо признать, впрочем, что в древности данный тип присваивающей экономики был распространен, вероятно, значительно шире, чем теперь. Об этом говорят, например, археологические культуры северного неолита — культуры оседлых рыболовов и зверобоев Севера. Прибавочный продукт создавался и здесь в значительном количестве, а на его основе местами развивался процесс социальной дифференциации — вспомним хотя бы такой памятник, как Оленеостровский могильник.

Принимая все это во внимание, справедливо, видимо, говорить о двух основных путях развития присваивающего хозяйства; один путь представляет собой генеральную линию развития, другой складывается в особых условиях. Первый более перспективен, ибо ведет в конечном счете к становлению производящей экономики и на ее базе — новых общественных форм. Второй достигает этого на основе присваивающей экономики и является своего рода тушиком (конечно, в каждом отдельном случае такова лишь ведущая тенденция). Он как бы исчерпывает заложенные в нем возможности, не поднимаясь не более высокую ступень социально-экономического развития.

Исследования археологов в разных частях света дают возможность проследить развитие отдельных обществ по первому пути — по пути постоянного перехода от охоты и собирательства к земледелию и продуктивному животноводству. Подобно этнографии, археология показывает, что этот переход был подготовлен еще на стадии присваивающей экономики.

К наиболее впечатляющим исследованиям относятся раскопки Р. Макнейша в Южной Мексике, в долине Техуакан. Здесь в ряде пещер обнаружены многочисленные культурные слои, уходящие в прошлое вплоть до XII тыс. до н. э. и свидетельствующие о непрерывном развитии центральноамериканской цивилизации от самого ее зарождения в среде полукочевого населения, ведущего охотничье-собирательское хозяйство и меняющего места стойбищ в за-

зависимости от времени года, вплоть до расцвета этой цивилизации в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э., цивилизации оседлой, земледельческой, городской. Своим расцветом она была обязана земледелию, которое, как свидетельствуют раскопки, зародилось здесь в VII—VI тыс. до н. э. на базе высокоразвитого специализированного собирательства. Собиратели и охотники Техуакана перекочевывали в определенном, сравнительно ограниченном районе. В большинстве стоянок они обитали лишь в течение одного сезона и занимали площадь менее 30 м², причем на каждой из них было найдено по два очага. Отсюда Макнейш делает вывод, что на стоянке одновременно жило не более 2—3 семей. Некоторые стоянки населяли группы из 3—8 семей. Во время сухого сезона люди отправлялись небольшими группами в ту часть своей территории, где было наибольшее количество пищи. В остальное время они вели оседлое существование.

Все это изменилось с появлением зачатков земледелия. Уже сама обработка участков привязывала людей к определенному месту. Последние сезонные стойбища в пещерах восходят к VII тыс. до н. э. Их обитатели — еще охотники и собиратели. На следующей стадии (VII—V тыс. до н. э.) появляются признаки культивации растений и люди постепенно, в ходе длительной эволюции, переселяются из пещер в открытые, наземные, постоянные, оседлые земледельческие поселения. Но еще в IV тыс. до н. э. собирательство и охота по-прежнему играют преобладающую роль в их хозяйстве. Вся эпоха становления производящей экономики длилась в Месоамерике 3—4 тысячелетия, от VII до конца III тыс. до н. э. [41, 48—50; 64, 94—99; 518—520].

В отличие от Старого Света, где с самого возникновения производящего хозяйства большую роль играло скотоводство, а набор культурных растений был сравнительно невелик, в Новом Свете, напротив, скотоводство играло ничтожную роль, но зато набор культивируемых растений был неизмеримо разнообразнее, что имело большое значение для развития центральноевропейской цивилизации. Открытия археологов показывают, что высокая цивилизация Центральной Америки обязана своим происхождением не мифическим жителям Атлантиды или пришельцам из космоса, а медленному, постепенному, непрерывному развитию из первобытного состояния, обусловленному земледелием.

Своеобразное сочетание рыболовства, морской охоты и собирательства с земледелием (главным образом возделывание маиса) в III—II тыс. до н. э. обнаруживают археологические раскопки на побережье Перу. Производящая экономика постепенно развивалась и здесь на основе присваивающей [17; 92, 130—133].

Археологические исследования В. М. Массона в Средней Азии обнаружили существование древних народов-земледельцев, у которых предшествующие земледелию формы хозяйства, особенно охота, играли еще значительную роль. Раскопки в Джейтупе выявили оседлую общину, состоящую из отдельных малых семей, в ко-

торой архаические формы земледелия и скотоводства сочетались с охотой [92]. Аналогичный джейтунскому тип раннеземледельческой общины открыт в Иерихоне (VII—VI тыс. до н. э.), Эрду (Шумер, V тыс. до н. э.) и других местах Передней Азии. На основе комплексной экономики охотников, собирателей и земледельцев складывается оседлоземледельческая культура Чатал-Гююка (VII—VI тыс. до н. э.). Зарождение производящего хозяйства, скотоводства и земледелия, прослеживается раскопками в Шанидаре и некоторых других памятниках этого региона, принадлежавших охотникам и собирателям X—VIII тыс. до н. э. Мезолитические натuffийцы Палестины и Иордании (X—IX тыс. до н. э.), оседлые рыболовы и охотники, регулярно собирали урожай дикорастущих злаковых (эммера и ячменя) с помощью кремневых жатвенных ножей, предшественников серпов, а возможно, и сами производили посевы. Они стояли как бы у самого порога производящей экономики. Подобно собирателям и охотникам Техуакана, они обитали в пещерах, но им была свойственна, видимо, более прочная оседлость. Эпоха полупастушеского, полупастушеского хозяйства при значительной роли охоты и собирательства длилась в странах Передней Азии 3—4 тыс. лет [92, 112—120].

Демографические сдвиги, изменения в образе жизни, в относительной подвижности населения, в величине общин, в характере поселений — внешние проявления тех глубоких внутренних перемен, которые начинаются в сфере экономики и затем захватывают всю систему социальных отношений. Археология Месоамерики и Передней Азии, древнейших очагов земледелия, свидетельствует об этом. Следы деятельности охотников-собирателей залегают здесь в нижних горизонтах многослойных пещерных памятников, вплоть до XII—X тыс. до н. э. Группы палеолитических охотников-собирателей Передней Азии насчитывали 15—20 человек, а плотность населения составляла менее 0.1 человека на 1 км². На ранней стадии земледелия пещерные жилища еще сохранялись, но наряду с ними, как и в Месоамерике, появились открытые постоянные поселения, состоявшие из глинобитных хижин. В таких поселениях жило около 50—100 человек. Выросла и плотность населения. Зачатки пастушества принуждали эти группы после сбора урожая переселяться во временные стоянки, в стороне от основных поселений. Нередко такими временными стоянками были пещеры, которые в прошлом служили жилищами охотникам [142, 34].

В Юго-Восточной Азии раскопки Ч. Гормана в Пещере Духов, на севере Таиланда, позволили проследить постепенный переход от охоты и собирательства к раннему земледелию в X—VI тыс. до н. э. Нижний культурный слой дал остатки сливы, бобов, гороха, бетеля и иных растений с признаками их культивирования. Возраст этого слоя, по радиоуглероду, 9180±860 лет до н. э. Он сопровождается каменными орудиями мезолитического, хоабиньского типа. В позднейших слоях обнаружены семена и других полезных растений [382]. Таким образом, производящее хозяйство

в Индокитае зародилось не позднее, чем в Передней Азии или Месоамерике. Замечательно это совпадение во времени начальных этапов производящей экономики в трех таких удаленных друг от друга областях земного шара!

Знакомые нам процессы и явления имели место и в Европе. «Земледелию в Европе, особенно в северных ее областях, предшествует. . . длительная кумулятивная стадия замедленного вызревания и вырастания культуры из глубоких недр тысячелетнего быта охотников приледниковой зоны» [142, 96]. Здесь обнаружены археологические культуры с хозяйством смешанного типа, где производящие формы хозяйства еще не играли ведущей роли, где интенсивная охота, собирательство и рыболовство сочетались с зачатками земледелия и животноводства. Переход к преобладанию производящей экономики занял в Европе в целом около 3 тыс. лет [64, 18—19].

Раскопки неолитического земледельческого поселения Кельн-Линденталь на берегу Рейна (близ Кельна) показывают, что жители его первоначально только наведывались к полям для разрыхления земли, посева, сбора урожая зерновых. Воле полей возводились амбары для хранения зерна. Поселки находились где-то в стороне. Позднее рядом с амбарами появились временные хижины-полуземлянки, а в дальнейшем сюда переселилась и вся община численностью около 150—200 человек [142, 98—99]. Это напоминает земледелие у банту экваториальной Африки, о которых говорилось выше. И у банту, и в Европе оно было подсечно-огневым. Видимо, ранние земледельцы Европы нелегко расставались с издавна освоенными охотничьими, собирательскими и рыболовными угодьями. Как и во многих других частях света, их земледелье сначала имело, вероятно, еще вспомогательный характер. Но со временем оно преобразовало весь образ жизни местного населения, а соответственно и его общественную структуру.

Примерно то же самое наблюдалось и в Месоамерике, там, где господствовало подсечно земледелье — мпльпа. Индейцы вынуждены были разбивать участки иногда в 70—80 км от своего постоянного поселения. По мере удаления участки индейцы приносили домой все меньше продуктов урожая, все больше съедая их на самих участках. Наконец, земледельцы и сами переселялись на новые места, ближе к участкам. При системе мпльпа для существования одной семьи требовалась территория от 400 до 4000 км² [305, 307—326]. Эта экстенсивная форма земледелия типологически близка еще к таким приспосабливающим формам хозяйства, как охота и собирательство.

Дунайские племена Центральной Европы выбирали для своих поселений плодородные, легкие для обработки лёссовые почвы. Но плодородие полей со временем истощалось, их забрасывали и возделывали новые. Когда вокруг селений вся пригодная земля была использована, люди уходили на новые места и основывали поселения [35, 19]. Перед нами типичная картина равного полукочевого земледелия, социально-экономические основы которого

во многом еще близки к предшествующей стадии, основанной на хозяйстве присваивающего типа.

Начальной формой земледелия в Скандинавии было *швенде* — поле, кочующее из года в год среди леса, на территории общины.

На ранних этапах трипольских археологических комплексов Юго-Восточной Европы земледелие и скотоводство сочетались с охотой, которая, как в Передней и Средней Азии или Месоамерике, играла еще значительную роль [20].

* * *

Предпосылки производящей экономики не ограничиваются материально-производственной и социальной сферами, они включают также сферу гносеологическую, обширную область познания первобытным человеком окружающего мира, земли и космоса, систему представлений о мире в его становлении и развитии. Организуя общественный опыт, внося порядок в хаос явлений, она помогала обществу практически овладеть миром. Исследования А. Маршака, обобщенные в его труде «Корни цивилизации» [532], показали, что человек начал накапливать систематические знания о растительном и животном мирах за десятки тысяч лет до неолитической революции, что уже 15 тыс. лет тому назад, а возможно и раньше, первобытные охотники и собиратели были знакомы с цикличностью жизни растений и животных и вели тщательные наблюдения за нею, а это служило необходимой подготовкой к земледелию и животноводству. Первобытному человеку были известны рудименты письма и счета [152]. Невозможно себе представить становление производящего хозяйства как нечто полностью лишённое сознательного отношения к природе и происходящим в ней процессам, к вечному круговороту жизни. О понимании человеком некоторых закономерностей природы свидетельствуют не только археологические памятники, но и данные этнографии — достаточно лишь напомнить приведенные выше факты, относящиеся к тасманийцам и австралийцам, стоявшим на одной из самых ранних ступеней социального и культурного развития, известных этнографии. Человек приступил к производящему хозяйству уже вооруженный некоей системой знаний об окружающем мире, и в этой системе отложился тысячелетия наблюдений, опыта, практики.

Несмотря на то что производящая экономика, возникнув, постепенно преобразует и само общество, и его культуру (это мы и называем неолитической революцией), категорическое противопоставление народов с присваивающим и производящим типами хозяйства едва ли правильно. Такое противопоставление мы находим, например, у известного представителя культурно-исторической школы В. Копперса в работе «Человеческое хозяйство» [680]. Представление о том, что первобытные народы ничего не вносят в сокровищницу природы и пользуются лишь готовыми дарами ее, устарело. Мы уже говорили, что культивация растений, сначала стихийная, а затем и сознательная, началась еще на стадии при-

сваивающей экономики. То же относится к доместикации некоторых видов животных. Но даже если бы это было не так, в строгом смысле слова «чисто присваивающего» хозяйства не было никогда, ибо человек по самой своей социальной природе производящее существо. Он изготовляет орудия труда, которых нет в природе в готовом виде, и с их помощью добывает средства существования. В производстве и заключено главное отличие человеческого общества от сообществ животных. Мы убедились уже, что даже гасмавийцы и австралийцы не просто пользовались готовыми дарами природы, но и вполне сознательно пытались воздействовать на нее. И речь идет не о магии, которая была одним из древнейших средств такого воздействия, а о действиях, вполне рациональных и по своим целям, и по способу их осуществления.

Человеческое общество отличается от сообществ других биологических видов присущей ему способностью к универсализации адаптивных и адаптирующих его свойств. Поэтому ему удалось приспособиться к жизни во всех экологических средах, заселить почти всю планету, что произошло уже на стадии присваивающей экономики. В этом отношении между данной стадией и стадией производящей экономики тоже нет принципиальной грани — универсальные механизмы социальной адаптации и там, и здесь остаются теми же.

Становление производящей экономики началось еще в эпоху господства присваивающих форм хозяйства. В свою очередь были и существуют, как мы знаем, народы-земледельцы, у которых предшествующие земледелию формы хозяйства играют еще значительную роль, а архаические формы земледелия сочетаются с охотой, собирательством, рыболовством. Наконец, есть и такие народы, в хозяйстве которых в зависимости от времени года основную роль играют либо охота и собирательство, либо земледелие. Все это также говорит о том, что между обществами, основанными на присваивающем и производящем хозяйстве, нет стены, они являются скорее как бы сообщающимися сосудами.

Истоки производящей экономики лежат в экономике присваивающего типа. Процесс становления производящей экономики начинается еще в палеолите и продолжается в мезолите и неолите. Исследования археологов помогают выявить основные этапы этого процесса. Этнография дает нам в руки материал для моделирования социальной структуры на разных ее уровнях, в различных общественно-исторических и естественно-географических условиях. Она помогает понять, что происходит при этом внутри общины — основной структурной единицы присваивающего общества, главной его производственной ячейки. Сочетание данных этнографии и археологии дает возможность осветить возможно более полно одну из величайших революций в истории человечества, которая начинается едва заметными сдвигами в хозяйственной деятельности первобытных охотников, рыболовов и собирателей, а завершается коренным преобразованием всей общественно-экономической структуры.